

НОВЫЕ СОСУДЫ ЗАПОЛНИЛО СТАРОЕ ВИНО

В России завершилось становление «народной монархии»

Недавние югославские события еще резче обозначили расхождение российского и европейского векторов развития. Сербия, страна, изображавшаяся чуть ли не заповедником тоталитаризма, смогла произвести если не совсем мирную, то бескровную, в рамках конституции, смену власти, присоединившись ко всем другим посткоммунистическим странам Центральной Европы и, соответственно, к Европе в целом. Сербское общество, несмотря на свой конфликт с НАТО и антизападнические настроения, оказалось значительно более свободным, более европейским по уровню правового сознания, а режим Милошевича — значительно менее авторитарным, чем они казались и изображались. Между тем в России, несмотря на ее официально европейскую ориентацию, завершается оформление системы, построенной на полном исключении ротации власти и принципиально отличающейся как от старых западных демократий, так и от посткоммунистических систем Центральной Европы. Российским «демократам» блистательно удалось то, что не смогли (или недостаточно хотели) сербские «красно-коричневые» и что, несомненно, не смогли бы сделать, приди они каким-то чудом к власти, «красно-коричневые» русские.

Именно в этом году наша политическая система перешла в качественно новое состояние. Новизна его состоит в том, что безальтернативность власти, ее независимость от народа, от выборов, стала реальностью, осознанной и принятой обществом. Де-факто альтернативы действующему президенту у нас не было и в 1996 г. Но тогда еще далеко не все понимали, что исход выборов предрешен, что Зюганов победить не может никогда и ни при каких обстоятельствах (хотя сам он это, по-моему, понимал). В 1999 г. наша система пережила кризис преемственности верховной власти, когда на минутку замаячила перспектива раскола элиты и альтернативных выборов. Но система блестяще справилась с кризисом, создав механизм прямой передачи власти назначенному преемнику. Избрание Путина качественно отличалось от переизбрания Ельцина в 1996 г. по своему психологическому и идеологическому содержанию. За Ельцина голосовали, думая, что выборы на самом деле альтернативные, и страшась этой альтернативы. А в 2000 г. люди шли и с энтузиазмом голосовали за неизвестного им Путина, отлично понимая, что он победит. Психологически это было не голосование за кандидата Путина, а что-то вроде референдума в пользу системы назначения преемника и одновременно — ритуал общенародной присяги на верность новому монарху. С этих выборов фактически установилась и с одобрением принята обществом своеобразная «народная монархия», с наследованием власти и последующей легитимизацией наследника посредством всенародного одобрения. Существовала, правда, чисто теоретически угроза, которая могла бы исходить из какой-то ошибки при назначении преемника. И какое-то время многим казалось, что эта опасность реальна, что Путин настолько увлекся идеей порядка, что это может вызвать серьезный кризис системы и серьезную оппозицию. Но сейчас уже ясно, что выбор преемника был в принципе верным, никакой угрозы системе и ее элите в целом от него нет, «крестовый поход» против коррупции и олигархии вырождается в серию пакостей нелояльным бизнесменам и губернаторам. Соответственно, нет и не будет и

никакой серьезной оппозиции. Легко заметить, что никто из наших политиков не думает о президентских выборах 2004 г. В глубине души все понимают, что результат этих выборов предопределен. С выборами 2008 г., в принципе, тоже все ясно: победит тот, кого Путин назначит преемником. Да, ненадолго возникнет тревога по поводу персоны наследника (что за личность, чего от него ждать?), но скоро все снова встанет на свое место.

Другой аспект этой трансформации — превращение нашей безальтернативной верховной власти в надпартийную. Собственно, любая безальтернативная власть, даже самая партийная по своему генезису, становится как бы надпартийной. Так как убрать ее нельзя «по определению», она по сути своей становится центром, а все другие политические силы, «партии» превращаются в группы давления на нее или в правые и левые «уклоны» от ее линии. Конечно, в общемировом контексте большевики были левыми, но в том политическом пространстве, которое они создали, взяв власть, Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев не были ни левыми, ни правыми. Это другие могли «уклоняться» вправо и влево от них, а они всегда оказывались в центре системы.

Ельцин, как и большевики, пришел к власти на гребне революционной волны как представитель определенного, революционного течения, определенной «партии». Но став безальтернативным лидером, он также стал центром, поскольку все политическое пространство организовывалось его личностью и вся политическая жизнь (реальная, а не виртуальная, в которой кипела борьба с коммунистами) стала сводиться к влиянию на него. Как на Брежнева с одной стороны пытались воздействовать, скажем, Арбатов и Примаков, а с другой — какой-нибудь Федосеев, так на Ельцина — с одной стороны, скажем, Чубайс, а с другой — Коржаков.

Но Путин и в этом отношении делает громадный шаг вперед. Если Ельцин нес на себе груз прошлого, той «партийности», с которой он пришел к власти, то у Путина никакого груза нет, как нет и какой-либо идеологии (если не считать таковой идею порядка и «вертикали власти»). Его пресловутая «загадочность» связана именно с этим. Он — не левый и не правый, он просто властитель, «государственник». Так же воспринимается он и обществом. В отличие от Ельцина, он не вызывает отторжения ни у коммунистов, ни у националистов, ни у радикальных демократов.

Но если безальтернативная власть перестает быть властью определенной партии, определенного политического течения, значит, в обществе фактически исчезает партийная система в обычном, демократическом смысле этого слова. Ведь партия — это организация, создаваемая для борьбы за власть. А сейчас в России нет не только партий, способных победить, как победила югославская оппозиция, но никто уже и не пытается хотя бы симулировать «волю к победе». При Ельцине было все-таки иначе. Кроме партий, которые считали своей миссией «положительное влияние на президента», защиту его от «вредного воздействия реакционных сил» (сейчас эти партии составляют СПС), были организации, которые жестко оппонировали ему и слева (КПРФ), и справа («Яблоко»). Сегодня «Яблоко», выступая в коалиции с СПС, позиционирует себя уже как партию «условной поддержки» Путина, поддерживая президента в экономических реформах и борьбе с губернаторами и стараясь предотвратить его скатывание в полицейщину и державность. Аналогичным образом перестроились и коммунисты. Только они поддерживают Путина — «патриота и государственника», а защищают его от влияния либеральных экономистов Грефа и Чубайса.

Иллюзия партийной системы западного типа исчезла одновременно с иллюзией альтернативных выборов. Политическая борьба принимает

традиционный для России характер соперничества придворных клик за доступ к телу. Когда-то за царя, за влияние, за должности боролись Годуновы и Шуйские, Нарышкины и Милославские, потом Аракчеевы и Сперанские, Яковлевы и Лигачевы, сейчас — Немцовы, Грефы, Зюгановы, Аяцковы и т. д.

Россия, в очередной раз позаимствовав западные политические формы, вложила в них свое, глубоко оригинальное содержание. Фактически мы умудрились соединить несоединимое, восстановить традиционную, самодержавно-генсековскую систему безальтернативной власти в условиях свободы политической деятельности и свободы выборов. Эта система может вызвать, как любая оригинальная, «хитро придуманная» конструкция, даже чувство эстетического наслаждения. И безусловно, эта система, уже справившаяся не с одним кризисом, — прочная.

Но оригинальная — не значит хорошая, а прочная — не значит вечная. При системе безальтернативной власти нет особых стимулов к развитию. Конечно, президент и его окружение могут думать и о народе, и о развитии — почему бы и нет? — но интенсивность этих размышлений не может быть особенно высокой. Seriously люди думают и переживают о том, что несет им непосредственную угрозу или, наоборот, надежду на исполнение их желаний. Смешно представить Романа Абрамовича, напряженно думающего о чукчах, их проблемах, их будущем и их отношении к нему. А вот представить его, озабоченного тем, что какой-нибудь прохвост наговорит Путину, что Абрамович стал много о себе воображать, очень просто.

Слабость внутренних стимулов развития сегодня не компенсируется, как это было при советской власти, мощным внешним давлением. От идеи эсхатологической войны с Западом, побуждавшей СССР развивать науку и технику, мы, слава богу, полностью отказались. Западный мир наша система пока что устраивает, никаких попыток подорвать ее извне нет и не предвидится. При слабости и внешних, и внутренних стимулов к развитию прочность нашей системы — прочность застоя.

Но в этом же — и ее обреченность. Любая система, не способная к развитию, к конкуренции с динамичными системами, временна. Ясно понимая, что демократический процесс — общепринятая норма, но не ощущая в себе сил жить в соответствии с этой нормой, мы создали систему самообмана. Но до конца себя все равно не обманешь. Неспособность общества создать систему политической борьбы не за влияние и милость монарха, а за популярность в народе и власть, которую дают выборы, рано или поздно будет ощущаться как свидетельство неполноценности, недовольство будет накапливаться и приближать новый кризис, когда народ решится проголосовать против воли начальства. Не думаю, что это произойдет в ближайшее десятилетие, но и семьдесят лет нынешняя система наверняка не протянет.